

А. М. Новоторцева

Образы «своего» и «чужого» в российской буржуазной периодической печати в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

Статья раскрывает проблему взаимоотношений отечественного предпринимательства, государственной власти и иностранного капитала в российской буржуазной периодической печати в период Первой мировой войны. В ней анализируются причины резкого снижения темпов акционерного дела в стране в 1914–1915 гг., а также крайне негативного отношения со стороны отдельных представителей российского торгово-промышленного класса к немецкому капиталу и низкой оценки роли государства во всех социально-экономических процессах в стране. Анализ публикаций в российской буржуазной периодической печати в 1914–1917 гг. показал, что именно сложная внешнеполитическая ситуация давала повод некоторым представителям крупного бизнеса критиковать не только отдельные аспекты государственной политики, но и государство в целом, выражая, тем самым, не только свои экономические, но и общественно-политические убеждения. Основное обсуждение в буржуазной прессе в годы Первой мировой войны касалось проблем по акционерным делам и оказало значительное влияние на формирование крайне негативного и даже враждебного образа иностранного, и прежде всего, немецкого предпринимательства в общественном сознании. Моделируемый образ так называемого «другого» или «чужого» в лице немецкого капитала выступил как проекционное поле, на которое представители крупного российского капитала вымещали свои коллективные страхи, а также нежелательные качества и свойства.

Ключевые слова: отечественное и иностранное предпринимательство, российская буржуазная периодическая печать, российская экономика, роль иностранного капитала, акционерная компания, немецкий капитал, Первая мировая война, лидер торгово-промышленной общественности, представители торгово-промышленного класса.

А. М. Novotortseva

Images of "Friend-or-Foe" in Russian Bourgeois Press during the World War I (1914–1917)

The article reveals the problem of relationship of Russian business, the government and the foreign capital in the Russian bourgeois periodicals during the World War I. Here are analysed the reasons of the sharp decrease in rates of joint-stock business in the country in 1914–1915, and also the extremely negative attitude from certain representatives of the Russian commerce and industry class to the German capital and a low estimate of the role of the state in all social and economic processes in the country are analyzed. The analysis of publications in the Russian bourgeois periodicals in 1914–1917 showed that it was a difficult foreign policy situation that gave a reason to some representatives of large business to criticize not only separate aspects of the state policy, but also the state as a whole, expressing, thereby not only the economic but also political belief. The main discussion in the bourgeois press during the years of the World War I concerned problems on the joint-stock affairs, which made considerable impact on formation of the extremely negative and even hostile image of foreign, and first of all, the German business in the public consciousness. The modeled image of so-called "friend" or "foe" in the image of the German capital was like a projective field on which representatives of the large Russian capital vented the collective fears, and also undesirable qualities and properties.

Keywords: home and foreign business, Russian bourgeois press, Russian economy, a role of the foreign investment, a joint-stock company, a German financial capital, the World War I, a leader of the commercial and industrial community, representatives of the commercial and industrial class.

С конца XIX – начала XX в. представители русской общественности – экономисты, политики, предприниматели, историки и публицисты, начали активно обсуждать вопросы, касавшиеся оценки роли иностранных инвестиций в экономике дореволюционной России, характера акционирования торгово-промышленных фирм и способа их налогообложения. Одним из самых животрепещущих вопросов в годы Первой мировой войны стал вопрос относительно степени участия иностранных капиталов в российской промысловой деятельности, условно поделивший

всю общественность на несколько групп. Одни исследователи категорично выступали против прилива денежных средств из-за рубежа, считая, что доходы от иностранных предприятий, в сущности, ничего не давали стране. Другие, наоборот, утверждали, что, пока Россия окончательно не перешла в разряд индустриальных держав, приток иностранных капиталов в народное хозяйство мог иметь исключительно положительное значение. Наконец, третьи в концептуальном плане заняли срединное положение, высказав в целом отрицательное отношение к участию ино-

странцев в российском производстве, но отметив при этом их позитивное влияние на начальном этапе выстраивания двусторонних экономических связей между нашей страной и зарубежными государствами. Тенденция к сокращению иностранного капитала и изменению соотношения количества отечественных и иностранных акционерных обществ в начале XX в. была предметом изучения советской историографии 1970–1980 гг.

Одним из первых, кто приступил к определению значения международного капитала для России в 1897–1914 гг., был Б. В. Ананьич [2]. Позднее В. И. Бовыкин писал о резко усилившемся притоке иностранных инвестиций, ускорившем процесс формирования финансового капитала в стране и способствовавшем распространению новейших организационных форм предпринимательства, исключительно во второй половине 1890-х гг. [3]. В итоге советскими историками был накоплен и изучен ценный исторический материал, но без обобщения остались такие важные объекты финансово-экономической инфраструктуры, как страховое дело. Поэтому С. В. Ильин, исследуя его динамику в XIX–XX вв., отмечал, что к 1914 г. на страховом рынке страны проводили операции всего 20 обществ, причем иностранное участие в них оставалось заметным лишь до 1906 г. [7].

Отдельную категорию авторов составили те, кто заявил об опасности для российского производства непосредственно со стороны германского акционерного капитала. Данная точка зрения нашла свое отражение в российской буржуазной периодической печати 1914–1915 гг. в рамках обсуждения общего вопроса о порядке акционирования торгово-промышленных предприятий в годы Первой мировой войны. В опубликованных в прессе материалах обозначилась и другая не менее важная социальная проблема взаимоотно-

шений отечественного предпринимательства и иностранного, прежде всего, немецкого капитала в сложное для России военное время. Для того чтобы понять причины такого дифференцированного отношения представителей крупного российского бизнеса к иностранному участию в российской экономике и непропорционального снижения темпов акционерного учредительства в стране в начале XX в., необходимо перейти к характеристике содержания самих публикаций и анализу фактов.

Существенное влияние на развитие акционерного дела в России в начале XX в., в том числе и на развитие акционерного законодательства, оказала Первая мировая война. Статистические данные, свидетельствовавшие об изменениях в этом процессе в новых внешнеполитических и экономических условиях, приводились в последних новостях торговли, финансов и политики во многих российских периодических изданиях. По сведениям Министерства торговли и промышленности, в течение первого года военных действий в России наблюдалось некоторое ослабление акционерной предпринимательской деятельности в торгово-промышленной области, которое наступило после целого ряда лет ее поступательного развития.

Так, с 1 августа 1913 г. по 1 августа 1914 г. было разрешено учредить 325 компаний с общим облигационным капиталом в 450 млн руб. Между тем с 1 августа 1914 г. по 1 августа 1915 г. было учреждено 275 новых акционерных обществ с вкладочным капиталом на сумму примерно 350 млн руб. Количество иностранных предприятий, получивших разрешение производить свои операции в стране в течение первого года войны, составляло всего 9 акционерных обществ [9, с. 11]. Для сравнения приведем данные, отражающие динамику акционерного учредительства в России в предвоенные годы.

Таблица

Абсолютные показатели соотношения количества и средних объемов текста «уставов» отечественных акционерных промышленных обществ и «условий» деятельности иностранных компаний в России в 1910–1912 гг.*

№ тома	Год	Количество уставов отечественных акционерных промышленных обществ	Средний объем текста уставов отечественных акционерных промышленных обществ	Количество «условий» деятельности иностранных акционерных промышленных обществ	Средний объем текста «условий» деятельности иностранных акционерных промышленных обществ
		/абс./	/см ² /	/абс./	/см ² /
XXX	1910	187	82,00	15	71,80
XXXI	1911	223	62,40	39	84,60
XXXII	1912	334	29,80	19	3,90

* Таблица составлена и рассчитана ПСЗ-III. Т. XXX–XXXII. 1910–1912.

Военное время внесло свои коррективы и в налоговое законодательство. В октябре 1914 г. было издано Положение Совета министров о повышении ставок некоторых видов существующего обложения и о введении новых налогов. Но увеличением ставок уже имевшихся налогов и введением новых сборов правительство не ограничилось. Расширяя территориальные рамки действия налогового законодательства, оно стремилось привлечь к промышленному обложению также новые объекты, способные приносить коммерческую прибыль. С 1 января 1915 г. к платежу государственного промыслового налога привлекались постоянные и передвижные кинематографические предприятия, а в перечень впервые облагаемых объектов вошли цирки, скейтинг-ринги, увеселительные сады и залы с открытыми и закрытыми сценами, если за вход в них взималась особая плата [14, с. 1–2].

Разработка и введение новых налоговых законов не могли не привлечь внимания лидеров торгово-промышленной общественности в России. В 1914 г. один из таких лидеров – Н. С. Авдаков – констатировал, что в Государственной думе разрабатывались некоторые налоговые вопросы, однако решение их предполагалось не в рамках конкретной налоговой политики, а в русле политики казенного предпринимательства. Все они обсуждались довольно медленно, поэтому ничего конкретного и нового в налоговом отношении не произошло. Пройдены были всего лишь некоторые инстанции, результатом чего стало усиление средств земств и городов за счет промышленности. В итоге был сделан неутешительный вывод, что все существовавшие налоги так и остались неизменными, но к ним прибавились еще новые сборы. По мнению крупных промышленников в лице Н. С. Авдакова, налоговое обложение должно было быть проникнуто какой-нибудь одной идеей: «Нельзя делать надстройку, не сделавши прежде основного базиса» [5, с. 87].

Анализ российской буржуазной периодической печати показал, что причина резкого снижения темпов акционерно-промышленной деятельности в империи в 1914–1915 гг. заключалась не столько в несовершенствах действовавшего (акционерного) законодательства, устанавливавшего концессионную систему, сколько во введении с сентября 1914 г. временных ограничений прав подданных неприятельских держав на территории России и установлении надзора за работой всех промышленных заведений, исполнявших заказы военного и морского ведомств. Данные

меры правительства были отражены в Положениях Совета министров, а также в публикации бесплатного приложения журнала «Биржа и русская промышленность», посвященной проблеме ликвидации дел немецких обществ в стране в 1915 г. [11, с. 15–17]. В результате в годы Первой мировой войны вектор общественного обсуждения акционерного вопроса сместился в сторону борьбы с немецким промышленным капиталом, а сама Германия из стабильного финансового партнера с наиболее приемлемым, по мнению российского правительства, образцом правовой системы акционирования предприятий превратилась во врага.

Всплеск патриотизма, безусловно, имевший позитивное значение, также оказал влияние на формирование некоторой тенденциозности общественного мнения. Многие российские торгово-промышленные издания начала XX в. стремились обличить деятельность германских предприятий на территории России. В одном из них отмечался «ужас положения, созданного германским засильем, обнаружившийся почти во всех отраслях нашей промышленности. Довольно напомнить, что почти накануне войны германцы попытались захватить в свои руки такой завод, как Путиловский» [12, с. 10]. Сделанный таким способом акцент оказался весьма точным, поскольку Путиловский завод ассоциировался у большинства людей не просто с одним из российских предприятий, а был своего рода символом всей развивающейся отечественной промышленности. Однако ловкие публицистические приемы и эмоциональный стиль изложения ставят под сомнение объективность такого рода заметок, появившихся в самый разгар военных действий.

Кроме этого, резкие и обличительные заявления в печати 1915 г. напоминали подобные выпады со стороны крупных российских промышленников по отношению к иностранной конкуренции конца XIX в. Тогда вследствие русско-турецкой войны и мирового сельскохозяйственного кризиса в стране также наблюдалось снижение темпов акционерного учредительства. В 1887 г. националистические нападки российской буржуазии комментировались следующим образом: «Угодить на представителей фабрично-заводской промышленности очень трудно. То им казалось, что отечественная промышленность недостаточно ограждена от иностранной конкуренции, то воображалось, что русские изделия не находят себе должного сбыта на Востоке, то им начало мерещиться, что русскому производству

грозит беда со стороны поляка и немца, и они открывали усиленную агитацию против этих соперников». При этом обращалось внимание на то, что «вождедения фабрикантов, как бы они ни были дики, всегда находили себе услужливую защиту в известной части печати» [4].

В результате, в годы Первой мировой войны в российском обществе продолжало формироваться сильное течение, с разных сторон и разными путями борющееся с зависимостью от иностранных производителей и, главным образом, от немецких. В связи с этим в Москве действовало организационное бюро «Всероссийского торгово-промышленного союза», в Петрограде – «Общество 1914 г.» и др. Негативная оценка германского инвестирования содержалась и в программе промышленников от 17 мая 1915 г. В ней говорилось, что, «пока государство не приняло меры к тому, чтобы потребитель и некрупный производитель сумел бы путем коопераций дать отпор выступлениям трестов и «соглашений», нельзя отвергать необходимости монополий государства в отдельных отраслях производства и необходимости государственного предпринимательства. Только под этим дамкловым мечом чужезадные тресты, вроде электрического треста «из Берлина», опутавшего всю Россию, будут ощущать над собой сдерживающую руку» [10, с. 2].

В мае 1915 г. Н. С. Авдаков, один из лидеров торгово-промышленной общественности, произнес речь, в которой наравне с патриотическими заявлениями и высказываниями сообщалось о сделанной до войны колоссальной ошибке, преодоление которой потребует чрезвычайных усилий и мер. Он заявил, что в годы расцвета промышленности российское общество, наконец, прониклось сознанием тяжести и вреда экономической зависимости от Германии для народного хозяйства. Она была закреплена вредным для благосостояния страны и для развития отечественной промышленности русско-германским торговым договором, поэтому, «не имея терпения развивать производство у себя дома, питаюсь товарами германского производства, мы с первого дня войны испытываем огромный недостаток в разного рода товарах» [6, с. 2, 4].

Очевидно, что сложная внешнеполитическая ситуация давала повод некоторым представителям крупного бизнеса критиковать не только отдельные аспекты государственной политики, но и государство в целом, выражая тем самым не только экономические, но и общественно-политические убеждения: «Каждый из нас пони-

мает, что требуется не только другая экономическая политика, но и другая политика без всяких прилагательных» [6, с. 2, 4]. Таким образом, торгово-промышленному классу необходимо было как можно ближе подойти к решению политических задач, поскольку вопросы власти, политики и влияния, по мнению торгово-промышленной общественности, – это вопросы, которые в значительной степени были связаны и с решением чисто экономических вопросов [5, с. 87]. При оказывая психологическое давление по поводу «германского засилья», многие из представителей крупного бизнеса не были противниками притока других иностранных инвестиций, считая, что в 1914 г. Россия была страной, которая как раз нуждалась в притоке иностранного капитала. Роль государства в данном процессе оценивалась предпринимателями довольно невысоко [5, с. 30, 34].

В 1915 г. представители акционерных коммерческих банков предостерегали правительство, что прилив инвестиций в российскую экономику будет по-прежнему значительно затруднен, если правительство продолжит придерживаться политики вероисповедных и национальных ограничений в области акционерного законодательства, подразумевая, прежде всего, «наименее фаворизируемую часть населения» – евреев [12, с. 2]. Следует отметить, что данная точка зрения получила свое развитие еще накануне войны и была поддержана Советами съездов представителей торговли и промышленности и петербургского общества фабрикантов и заводчиков. В 1912 г., обсудив последний законопроект Министерства торговли и промышленности о реформе акционерного законодательства, они отметили, что ряд ограничений, касавшихся прав инородцев-учредителей, а также сложная система регистрации вынуждали их отдать предпочтение существовавшему порядку перед проектируемым. Поэтому Советы торгово-промышленных организаций постановили обратиться к министру торговли и промышленности с ходатайством о том, чтобы выработанный законопроект не был внесен на обсуждение в IV Государственную думу [15, с. 63].

Воспоминания об этих преобразованиях сохранились у одного из участников восьмого очередного съезда представителей промышленности и торговли Н. Б. Глазберга. Кроме него, на заседании съезда в 1914 г. присутствовали член Государственного совета С. М. Ротванд и бывший министр торговли и промышленности

В. И. Тимирязев, вновь актуализировавшие данную причину своего несогласия с правительственными вариантами акционерных законов. По их мнению, существовавшие ограничения в отношении евреев были несовместимы с тем новым порядком учреждения уставов, который предполагалось создать. Если бы ограничения были сняты, то промышленники с радостью приветствовали бы эти начинания и приложили бы все силы к обсуждению этого вопроса. В итоге проблема характера или способа акционирования российских предприятий вновь не была окончательно решена [5, с. 48–49].

Насколько последовательны были промышленники, отстаивая в 1914 г. положение, что современная и справедливая система акционирования компаний должна базироваться на широком демократическом принципе, несовместимом с национальными ограничениями, существовавшими в российском государстве, иллюстрирует еженедельное торгово-промышленное издание, независимый беспартийный прогрессивный орган «Русская промышленность». В нем было представлено другое мнение относительно медленных темпов преобразовательной деятельности в области улучшения и развития акционерного дела в стране. В частности, в нем сообщалось, что обращению в законы дважды выработанным проектам об акционерных компаниях в 1867 и 1872 гг. неизменно препятствовала какая-то невидимая сила. Под ней подразумевалась «выгодность несовершенства закона для акционерных прожектеров: ссылаясь на его несовершенство, акционерные предприятия завоевывали себе право вовсе не считаться с существовавшими законоположениями» [1, с. 12–13]. Кроме этого, всегда был повод покритиковать и саму власть.

Действительно, в отличие от Западной Европы, где трудовой класс давно участвовал в качестве акционеров в промышленной жизни страны, в Российской империи акционерная собственность продолжала сосредотачиваться в руках преимущественно крупной аристократии и буржуазии. Это давало им возможность участвовать в разработке и обсуждении новых промышленных законов [8, с. 14–16]. Данное обстоятельство повлияло на то, что представители среднего и мелкого бизнеса своевременно не включились в обсуждение многих законодательных вопросов и, в частности, вопроса о характере акционирования российских компаний.

Кроме того «мелкие предприниматели, не говоря уже о широких массах потребителей, до то-

го не привыкли выступать на защиту своих интересов объединенно, что, когда само правительство пришло к заключению о необходимости иметь орган, выражающий мнение средних и мелких промышленников и торговцев, и в своде законов появилось положение о съездах мелкой и средней промышленности, то виновники торжества оказались в сетях и, собравшись на съезде, дав возможность выпустить «труды съезда» и даже избрать постоянный совет, не сумели снабдить его средствами» [13, 10, с. 1–2].

Разобщенность интересов среди мелких, средних и крупных предпринимателей, а также внутри каждой группы свидетельствовала о слабости российского торгово-промышленного представительства в целом, нуждавшегося в объединении, консолидации своих сил. Этому препятствовали не только чисто экономические факторы, но и внутренние ментально-идеологические предпосылки возникновения и развития разных форм предпринимательства, главной из которых стала акционерная. Сама природа их возникновения и развития предопределила будущий конфликт между идейными принципами организации мелких форм производства и крупных, между культивированием в них традиционных общинных начал и новых – лично-индивидуалистических.

В итоге обсуждение именно проблем по акционерным делам в российских буржуазных периодических изданиях в годы Первой мировой войны оказало значительное влияние на формирование крайне негативного и даже враждебного образа иностранного, и прежде всего, немецкого предпринимательства в общественном сознании. Можно сказать, что моделируемый в прессе образ так называемого «другого» или «чужого» в лице немецкого капитала выступал как проекционное поле, на которое представители крупного российского капитала вымещали свои коллективные страхи, а также нежелательные качества и свойства.

Главная функция данного механизма проекции во многом заключалась в сохранении за счет «другого» стабильности своего собственного существования. Видимо, поэтому отдельные торгово-промышленные лидеры и авторы некоторых статей не придавали серьезного значения очевидному сокращению именно немецкого капитала в стране уже к началу Первой мировой войны. Не менее враждебными для них казались и представители российской власти, стремившиеся, по их мнению, в своей законодательной политике к

огосударствлению всего частного сектора и при-
теснявшие местных предпринимателей-
иностранцев.

Библиографический список

1. Акционерное законодательство [Текст] // Русская промышленность. – 1914. – № 4–5 (13/26 февраля). – С. 12–13.
2. Ананьич, Б. В. Россия и международный капитал. 1897–1914. Очерки истории финансовых отношений [Текст] / Б. В. Ананьич. – Л., 1970.
3. Бовыкин, В. И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в. – 1908 г. [Текст] / В. И. Бовыкин. – М., 1984.
4. Борьба фабрикантов с инспекцией [Текст] // Новости и биржевая газета. – 1887. – № 16 (17 января, суббота).
5. Восьмой очередной съезд представителей промышленности и торговли. Журнал заседания, состоявшегося 2 мая 1914 г. [Текст]. – Пг., 1915. – С. 30–31, 34, 36, 48–49, 87.
6. Доклад IX очередному съезду представителей промышленности и торговли «Об учреждении Высшей Экономической Комиссии» [Текст], 1915. – С. 2, 4.
7. Ильин, С. В. Страховое дело в России (XIX – начало XX в.) [Текст] / С. В. Ильин. – М., 2001.
8. Необходимость реформы акционерного законодательства [Текст] // Торгово-промышленный юг. – 1917. – № 3 (1 февраля). – С. 14–16.
9. Ослабление акционерной деятельности [Текст] // Биржа и русская промышленность. – 1915. – № 33–34 (16 сентября). – С. 11.
10. Петроград, 17 мая 1915 г. (Программа промышленников) [Текст] // Промышленная Россия. – 1915. – № 4–5 (17 мая, воскресенье). – С. 1–2.
11. Промысловый налог и акционерное дело. Ликвидация немецких обществ [Текст] // Биржа и русская промышленность (бесплатное приложение). – 1915. – № 35 (1 октября). – С. 15–17.
12. Промышленная Россия [Текст]. – 1915. – № 1 (15 апреля, среда). – С. 1–3, 10.
13. ПСЗ-III. – Т. XXXIII. – № 39501;
14. Свод законов Российской империи. Уставы о прямых налогах и пошлинах [Текст]. – СПб., 1914. – Т. V. С. 1–2.
15. Торгово-промышленный юг. Орган Совета съездов представителей промышленности и торговли

юга России [Текст]. – Одесса. – 1912. – № 15 (15 июля). – С. 63.

Bibliograficheskiy spisok

1. Aktsionernoe zakonodatel'stvo [Tekst] // Russkaya promyshlennost'. – 1914. – № 4–5 (13/26 fevralya). – S. 12–13.
2. Anan'ich, B. V. Rossiya i mezhdunarodnyj kapital. 1897–1914. Ocherki istorii finansovykh otnoshenij [Tekst] / B. V. Anan'ich. – L., 1970.
3. Bovykin, V. I. Formirovanie finansovogo kapitala v Rossii. Konets XIX v. – 1908 g. [Tekst] / V. I. Bovykin. – M., 1984.
4. Bor'ba fabrikantov s inspektsiej [Tekst] // Novosti i birzhevaya gazeta. – 1887. – № 16 (17 yanvarya, subbota).
5. Vos'moj ocherednoj s'ezd predstavitelej promyshlennosti i trgovli. Zhurnal zasedaniya, sostoyavshegosya 2 maya 1914 g. [Tekst]. – Pg., 1915. – S. 30–31, 34, 36, 48–49, 87.
6. Doklad IX ocherednomu s'ezdu predstavitelej promyshlennosti i trgovli «Ob uchrezhdenii Vysshej Ekonomicheskoy Komissii» [Tekst]. – 1915. – S. 2, 4.
7. Il'in, S. V. Strakhovoe delo v Rossii (XIX – nachalo KHKH v.) [Tekst] / S. V. Il'in. – M., 2001.
8. Neobkhodimost' reformy aktsionernogo zakonodatel'stva [Tekst] // Torgovo-promyshlennyj yug. – 1917. – № 3 (1 fevralya). – S. 14–16.
9. Oslablenie aktsionernoj deyatel'nosti [Tekst] // Birzha i russkaya promyshlennost'. – 1915. – № 33–34 (16 sentyabrya). – S. 11.
10. Petrograd, 17 maya 1915 g. (Programma promyshlennikov) [Tekst] // Promyshlennaya Rossiya. – 1915. – № 4–5 (17 maya, voskresen'ye). – S. 1–2.
11. Promyslovyj nalog i aktsionernoe delo. Likvidatsiya nemetskikh obshhestv [Tekst] // Birzha i russkaya promyshlennost' (besplatnoe prilozhenie). – 1915. – № 35 (1 oktyabrya). – S. 15–17.
12. Promyshlennaya Rossiya [Tekst]. – 1915. – № 1 (15 aprelya, sreda). – S. 1–3, 10.
13. PSZ–III. – T. KHKHKHIII. – № 39501;
14. Svod zakonov Rossijskoj imperii. Ustavy o pryamykh nalogakh i poshlinakh [Tekst]. – SPb., 1914. – T. V. S. 1–2.
15. Torgovo-promyshlennyj yug. Organ Soveta s'ezdov predstavitelej promyshlennosti i trgovli yuga Rossii [Tekst]. – Odessa. – 1912. – № 15 (15 iyulya). – S. 63.